

Издательство "Музыка" выпустило книгу "Так это было. Тихон Хренников о времени и о себе". Она еще не поступила в продажу, а споры о ней в музикальном мире уже идут. Рассказчик - первый и последний председатель Союза композиторов СССР (с 1948-го по 1992 год). Его защитники упорно напоминают, что в годы репрессий, когда все творческие союзы в буквальном смысле редели, ни один композитор физически не пострадал, и каким-то чудом эта беда от них отвела именно Хренникова. Другие увидели в книге желание автора обелить себя и свое время.

Как бы там ни было — предлагаем из нее несколько фрагментов (подзаголовки даны редакцией). Тем более что трагико-мизерный. А справки об издании можно получить по телефону 928-94-40.

Моя симфония стала сенсацией

В 1934 году я начал писать симфонию. Именно тогда появился у нас различных сочинения, связанные с индустриальной и колхозной тематикой.

Делалось это совершенственно искренне. Наши композиторы добросовестно искали образы, выразительные средства, которые могли бы отразить современный быт, стремление построить социалистическое общество, и называли свои сочинения: "СССР — ударная brigada" (А. Крейн), "Сталинстан" (А. Веприк), "Сталинградский тракторный" (Н. Чемберджи), "Днепрострой" (В. Гайгерова).

Моя симфония не имела ни программного замысла, ни подзаголовка, ни какого-то особого современного содержания. Я просто сочинял симфонию. К 1935 году симфония была закончена, я был тогда студентом четвертого курса консерватории. В это время оркестром радио в Москве дирижировал Георг Себастьян, спасавший у нас от преследования фашистов в Германии. Ему я показал симфонию. В Большом зале Московской консерватории Себастьян сыграл ее в своем открытом концерте. На следующий день все газеты напечатали отклики об этом концерте (тогда откликались быстрее). Моя симфония, читайт, что я еще студент консерватории, стала сенсацией.

В ту пору я был влюблён

В этот же сезон происходили и другие события. После того как осенью 1935 года была исполнена моя симфония, я в прессе меня уже называли "московским Шостаковичем", ко мне однажды зашел Юрий Александрович Шапорин. Он передал просьбу зайти в Театр Вахтангова. Я отправился. Не помню, кто со мной разговаривал — Рубен Николаевич Симонов или Иосиф Матвеевич Раппопорт, который ставил комедию Шекспира "Много шума из ничего". Въяснилось, что музыку к этому спектаклю должен был писать Шапорин, но по каким-то причинам отказывается и рекомендует меня. Предложение увлекло меня. Тексты песен — а они в драматургическом плане были предусмотрены — должен был писать П. Антокольский.

Через некоторое время я стал по номерам показывать готовые фрагменты. Музыку принимали одобрительно. Помню, сочинил песню "Как соловей о розе". В ту пору я был влюблён в свою будущую супругу Клаву.

В доме Театра Вахтангова я тогда снимал комнату в двухкомнатной квартире актрисы К. Якюинской. Моя комната находилась как раз над квартирой Р. Симонова. В тот момент Клава пришла ко мне, и, обрадованый, показал ей только что написанную песню "Как соловей о розе". Однако эта песня не понравилась, она сказала, что слова П. Антокольского значительно ярче, чем мелодия. Тут же она пошла — хорош влюбленный, который не может сочинить любовную серенаду. Я на это ничего не сказал, но, когда она пришла на другой день, я показал ей на эти слова новую песню.

Так появилась серенада "Как соловей о розе", одна из моих любимых мелодий.

По доносам сводили счеты

В 1937 году были арестованы два моих брата, Николай и Борис. Николай был директором средней школы в городе Ельце, а Борис — начальником небольшой станции Лучок близ главной железнодорожной

режной станции Елец. Оба были женаты, у обоих — дети. Их обвиняли в контрреволюционной агитации. Это та печально знаменитая статья 58.10, по которой, собственно, сидело большинство в стране.

Братья мои были честными людьми, самоотверженными в работе, твердо верили в советскую власть. Даже заподозрить их в контрреволюционной агитации было невозможно. Все таки: мне дали понять, что на них написан и инспирирован целый ряд доносов со стороны людей, которые с ними работали. Такая практика была тогда очень распространена, по доносам сводили счеты и разделялись с товарищами по работе, соседями, родственниками... В этих делах особенно даже не разбирались. Я стал посыпать письма и прошения. Требовал, чтобы это дело передали в открытый суд. Не знаю, что случилось. Возможно, сыграло некоторую роль то обстоятельство, что обо мне в ту пору писали газеты. Конечно, пришло согласие на то, чтобы дело моего старшего брата Николая передать в открытый суд и там судить его.

Чтобы на суде была поддержана сторона обвиняемого, необходим, как известно, адвокат. И я решил пригласить самого знаменитого. Им был Браудо (Коммодор и Браудо были в ту пору наиболее известные адвокаты, участвовавшие в политических процессах). Отправился к нему просить, чтобы он выступил защитником на процессе моего брата. Браудо запросил с меня огромную сумму денег. Их у меня не было. Бросился к знакомым просить взаймы. Выручили. Браудо согласился выступать на процессе.

Сначала моих братьев из Ельца перевели в Орловскую тюрьму — в областной центр. Мы с Браудо поехали в Орел. Меня в тюрьму не пустили. Браудо с ними встречался: после чего сказал, что их забыли в там ужасно. В конце концов в Ельце был назначен суд над старшим братом Николаем. Браудо поехал в Ельце. Приезд этого знаменитейшего адвоката, его участие в суде напугало тех, кто писал доносы на моего брата. В итоге они все отказались от своих доносов. Николая оправдали и прямо с суда отпустили домой. Это было для того времени случай редчайший, может быть, единственный.

Когда же я стал требовать, чтобы дело Бориса, также вынесли в открытый суд, добиться этого уже не удалось. На этот раз моего брата судили "тройка" и дала ему позже десять лет концлагеря. Там он погиб.

“Песня об артиллеристах” в берлинской пивной

Мне и М. Блантеру где-то в феврале 1945 года Политуправление предложило поехать на фронт. Нас направили на Первый Белорусский, в армию Б. Чуйкова.

На следующее утро мы участвовали в акции, которой трудно найти точное определение. Формировались группы для уличных боев в Берлине. В каком-то огромном зале собирались военные. Из них должны были составляться группы для первых уличных боев. Тогда практика в зале сидели люди, которыешли на верную смерть.

Сначала к ним с речью обратился Вишневский. Я много раз слышал о том, что Всеволод Вишневский был совершенно потрясающим оратором. Тут я убедился в этом сам. Вишневский начал свою речь писанистико, а закончил страстным фортиссимо. Солдаты плакали, они были доведены до иступления. И когда после этого раздался вопрос, кто готов идти добровольно, встали все как один. Мы на-

Вер. клуб. - 1994. - 17 сен. - с. 4

В нашем Союзе никогда никого не арестовывали

Так утверждает сегодня Тихон Хренников

Вальсики Жданова

После войны я начал работать над русской комической оперой, сюжет которой мне предложил Владимир Иванович Немирович-Данченко.

Работа все больше увлекала меня. Но здесь для меня неожиданно одно за другим произошли нескользкого события. В Большом театре поставили оперу Муралы "Великая дружба".

Фильм "В шесть часов вечера после войны" был уже известен. Я продолжал петь, охрип, но мне все не давали прекратить пение этой песни.

Далее наш путь продолжался опять в машине. Крепко на первом темпе охмелевшие Вишневский и водитель машины направились прямо в квартал Берлина. Я, единственный среди них трезвый, пытался уговорить:

— Куда вы едете, мы сейчас попадем к немцам!

— Мы русские люди, ничего не боимся. Давай! — командовал Вишневский.

Машина остановилась на углу у пивной. Улица была пустынной, и мы, выйдя из машины, вошли в пивную.

Зал тоже был пуст, посетителей не было, и только хозяин с хозяйкой поднялись из пивной. Навстречу. Увидев русских, они окаменели.

— Где немецкое население? — повелительно спросил Вишневский. — Почему не встречает русские войска?

Хмель все больше кружил ему голову, он в таких случаях терял всяку рассудительность.

— Там, в подвале сидят, — отвечал перепуганный владелец пивной.

— Веди нас туда! — повел Вишневский.

Слукаемся по лестнице, открываем дверь. Мрак, огромное количество народу. Увидев нас, матери инстинктивно прижалась к себе детей.

Оглядевшись, Вишневский, который в совершенстве знал немецкий язык, обращается к собравшимся с вопросом, отчего они не встречают своих освободителей. Глядят, заворачиваются что-то воре митинга. К чему это приведет? Их-то здесь больше сотни, а нас только трое. Однако добавившие перед выходом из пивной еще и пиво, моя спутница продолжала ораторствовать. Пришло Вишневского взять за руки и буквально насилино вытащить наверх.

Вернулись обратно на угол к пивной. Через некоторое время появляются наши военные — солдаты, офицеры. Вишневский потребовал принести пианино.

— Хренников должен сыграть.

Из соседних комнат перетащили пианино. Усадили меня за него и опять: "Артиллеристы! Сталин дал приказ..."

Дмитрий Шостакович и первый дирижер его оперы "Леди Макбет Мценского уезда" Самуил Самосуд обсуждают будущую постановку. (Публикуется впервые).

та, и уже по этой причине Жданов никак не мог сесть за инструмент.

И еще одно обстоятельство. Конечно, Жданов был человеком очень самоуверенным, но не настолько, чтобы играть в присутствии цвета советской музыки. Ведь в зале сидели выдающиеся музыканты! Рассказывают, что где-то, когда-то на каких-то вечеरинках и сбирающихся Жданов действительно любил садиться за инструмент и играл вальсики. Под эти вальсики танцевали высокие лица. Но не более.

Я тоже выступал на этом совещании. Говорил что-то в основном о молодежи. Во всяком случае не думал, что после этого разыграются такие серьезные события. После совещания уехал в Рузу, потом вернулся в Москву.

И вот однажды в одиннадцать часов ночи мне звонят из ЦК и просят не медленно приехать туда. Работа в ЦК по ночам, как известно, в то время была нормой. Моя жена Клара страшно беспокоилась. Однако делать нечего, надо ехать. Доклад сделал очень темпераментный.

Когда Жданов кончил доклад, ему аплодировали все, кто сидел в зале: и Шостакович, и Прокофьев (я сидел позади Прокофьева), и другие. Аплодисменты были долгие, очень долгие и единодушные.

По поводу доклада пошли немало небылиц. Как-то сидел в зале и слушал меня один из наших музыкантов (не хочу называть никаких фамилий). Он писал, что я нахожусь под влиянием евреев, сионистов, и рассуждал, как евреи любят сидеть за инструментом и играть вальсики. Под эти вальсики танцевали высокие лица. Но не более.

Я тоже выступал на этом совещании. Говорил что-то в основном о молодежи. Во всяком случае не думал, что после этого разыграются такие серьезные события. После совещания уехал в Рузу, потом вернулся в Москву.

И вот однажды в одиннадцать часов ночи мне звонят из ЦК и просят не медленно приехать туда. Работа в ЦК по ночам, как известно, в то время была нормой. Моя жена Клара страшно беспокоилась. Однако делать нечего, надо ехать. Доклад сделал очень темпераментный.

Когда же я начал работать в ЦК, то у меня было шоковое состояние. До этого я занимался музыкой и только музыкой. И вдруг попал в самую кашу какой-то политической грязи и наветов. В итоге у меня началась истощение нервной системы.

Однажды усилиями Клары, которая регулярно ставила мне пластики с духовными песнопениями (чтобы успокаивали нервы), и врачей-невропатологов я в течение целого года выходил из этого состояния, в какое попал в итоге космополитической кампании. И кульминацией у меня был 1950 год. В 1951 году я уже начал понемножку работать...

В это время среди моих коллег стали появляться первые лауреаты Сталинской премии. Работая в Сталинском комитете, я часто встречался с Александром Александровичем Фадеевым.

Однажды академик Греков, в то время глава нашей исторической школы, докладывал о работах, которые предлагались для присуждения Сталинской премии по историческому разделу.

Приезжая, рассказывала Клара. Она в ужасе:

— Ты каков? Зачем!

— А что я могу сделать?

Подписано Сталиным. Тут и отказалась нельзя, и ничего

делать невозможно.

Анонимками довели до галлюцинаций

Одной из первых прошла кампания против космополитизма. В этот момент мои коллеги, которые ругали оперу "В буре" (например, С. Шлифштейн), ужаснулись, что я в эту политическую кампанию буду разделяться с ними. Я же старалась, напротив, не называть таких имен. И даже когда в качестве примера борьбы с космополитизмом в Союзе композиторов и назывались отдельные фамилии, среди них меньше всего встречались еврейские фамилии.

Но таким ходом космополитической кампании в Союзе композиторов оста-

ются и не знали, что происходило в те времена в Союзе писателей. А происходили, как мы сейчас знаем, аресты писателей.

Мы приехали в Лос-Анджелес. Тут нас попросили пройти пресс-конференцию. Корреспондентов на балалайке было сорок, арестованных — пятьдесят.

Мы приехали в Лос-Анджелес. Тут нас попросили пройти пресс-конференцию. Корреспондентов на балалайке было сорок, арестованных — пятьдесят.

Мы приехали в Лос-Анджелес. Тут нас попросили пройти пресс-конференцию. Корреспондентов на балалайке было сорок, арестованных — пятьдесят.

Мы приехали в Лос-Анджелес. Тут нас попросили пройти пресс-конференцию. Корреспондентов на балалайке было сорок, арестованных — пятьдесят.

Мы приехали в Лос-Анджелес. Тут нас попросили пройти пресс-конференцию. Корреспондентов на балалайке было сорок, арестованных — пятьдесят.

Мы приехали в Лос-Анджелес. Тут нас попросили пройти пресс-конференцию. Корреспондентов на балалайке было сорок, арестованных — пятьдесят.

Мы приехали в Лос-Анджелес. Тут нас попросили пройти пресс-конференцию. Корреспондентов на балалайке было сорок, арестованных — пятьдесят.

Мы приехали в Лос-Анджелес. Тут нас попросили пройти пресс-конференцию. Корреспондентов на балалайке было сорок, арестованных — пятьдесят.

Мы приехали в Лос-Анджелес. Тут нас попросили пройти пресс-конференцию. Корреспондентов на балалайке было сорок, арестованных — пятьдесят.

Мы приехали в Лос-Анджелес. Тут нас попросили пройти пресс-конференцию